

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

СКАЗКА о СПРАВЕДЛИВОМ КАНЧИЛЕ

Когда распахиваются тёмные занавесы, маленькие зрители невольно зажмуриваются: на сцене, сияя переливами яркими красками, возникает мир сказочных джунглей. В зарослях фантастических растений и смешных вихрастых пальм живут персонажи пьесы Л. Новгородского «Олеиник». Главный герой Канчиль — самый маленький в мире огень величия из нашего зайца, который в течение многих веков оставил любовными героями малайского фольклора, олицетворением добра, справедливости и склонной удачи.

Московский театр кукол рассказал о борьбе храброго Канчилы и его друзей с хищными, коварными, Тигром, глупым Крокодилом и неопытными Слоном. Ни раз храбрый оленёк и его друзья попадали в опасное положение, и тогда хитрый зал спасался проклятыми криками — ребята пытались помочь сказочным персонажам, завороженным склонностью своей добротой и склонной удачей.

«Олеиник» — очень веселый и задорный спектакль. Наверное, это естественно, потому что и режиссер Е. Тетерев (художественный руководитель постановки А. Гамсаудура), и исполнители очень молоды. Эта молодость звучит в звонких, смехливых песенках, написанных композитором Е. Жарковским, на стихи поэта П. Грушко, которые актеры распевают то голосами сказочных героям, то неожиданно появляясь в своем «свадебномном» обличье среди загадочных птиц тропических красок.

Куклы в этом спектакле подкупают зрителей тонкими обаянием и поистине человеческой духовностью. Художники удачно избежали наиважнейшей прямолинейности в delineации персонажей на поисковательских и отрицательных. В облике каждого куклы художники отыскали какую-то маленькую неизвестную черточку. Так, у Дикобраза, потерявшего свою диоксидную, бесконечно печальный взгляд, Канчиль чутко хватает глаза Тигра и побаивает лукавыми искрами.

Конек, скажи традиционно благогулучес: Канчиль и его друзья побаивают злые силы, и в джунглях воцаряется веселый праздник, который с восторгом разделяют маленькие зрители.

А. СТЕПАНОВА.

РЕЦЕНЗИИ

Монография А. Энса «Искусство и эстетика [Традиционные категории и современные проблемы]»

Две премьеры Московского театра кукол: «Олеиник» и «Смех и слезы».

ТАНЯ в ШАХМАТНОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Премьерой спектакля «Смех и слезы» С. Михалкова открылась всероссийская неделя «Театр и дети» в Московском театре кукол. В зале построены пионерские галстуки, банты, белые воротнички.

С. Михалков, выступив перед началом спектакля, рассказал юным москвичам, что воспитывалась в 2-х действиях для школьников от 3-го класса было написано 28 лет назад для юношеского театра, а сейчас варианты, созданный спешно для МТК, спектакль впервые идет в кукольном исполнении.

«Зазукала музыка, луна прокажет высветила разноцветные фланки, движущимися по стенам эдак зиринского зала. Буквы выстрелились в на-закину. Представление нача-лось».

В шахматном королевстве неладно. Глубоко огорчен король: его единственный сын, принц Тарталья давно и также болен. Бригелья, министр без портфеля, картонная да-ма Кларинче успело «влечь» пачалью и слезами. Умыло и белозадко: поет «дикинистический» шут: во дворце нельзя смеяться, вот забыл свое ремесло. Но вот в королевство попадает веселая и беспощадная птичка-принцесса Таня. Она выпичивает принца и наказывает злоумышленников, потому что она умеет дразнить, умеет развеселить и любят трудиться. Увлекательная интрига разыгрывается традиционными масками комедии дель арте. У пуков огромные и очень выраженные глаза: глубокие и пачальные у короля, темные и хитрые у Бригельи, синие и бездонные у Таня.

В спектакле очень много музыки (композитор Е. Кремер). В нем поют и танцуют все герои. Причем не только пуклы. Режиссер А. Гамсаудура и Н. Вейцер вывели на сцену всех актеров, занятых в спектакле. Они появляются в куклах и в кукольных костюмах, исполняют песни и акробатические номера, превращаются в кукол, где же появляются из-за ширмы. Красочны и острумы декорации кукловода М. Артемьева.

Н. КАМИНСКАЯ.

ЦЕННЫЙ ТРУД ПО ЭСТЕТИКЕ

Монография заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора философских наук, профессора А. Энса «Искусство и эстетика [Традиционные категории и современные проблемы]», выпущенная недавно издательством «Искусство», привлекла внимание числа обобщающих, поисковых трудов.

В советской эстетической литературе предмет эстетики не ограничивается рамками искусства. Он включает все стороны и законы эстетического освоения мира, вплоть до художественного конструирования и гармонизации взаимоотношения человека и общества как с природой, так и с искусственной средой бытования. Однако вызванные этическим и быстрым расширением диапазона современных исследований по эстетике отнюдь не уменьшили традиционно определяющего внимания к искусству. Напротив, искусство по-прежнему сохраняет за собой значение главнейшего объекта эстетической мысли. А. Энс удивительно обосновывает, почему в советской науке получила широкое признание точка зрения, согласно которой именно искусство выступает в качестве генератора эстетических ценностей.

В монографии тщательно проанализирован в теоретико-идеологическом аспекте тот заслуживающий пристального внимания факт, что благодаря бурному развитию средств массовых коммуникаций, многообещающему прогрессу образования, культуры и распространенности и социальной воздействия искусства стали поистине беспрецедентными. Это побуждает эстетику подвергнуть тщательному исследованию современные черты искусства, его изменяющиеся бытование, глубже осмысливать сам характер нынешнего влияния искусства на личность и общество, своеобразие воздействия этого художественного богатства, когда распахивает человекчество.

А. Энс не ограничивается глубокими и органическим расмотрением только этой стороны дела. Автор показывает, как многократно усилившаяся зависимость искусства от всех без исключения сфер бесконечно разнообразной современности, будь то политика, наука, экономика, культура, ощущимо сказалась на содержании материала искусства, его фундаментальный труд профессора А. Энса помогает читателям в овладении научно обоснованными критериями оценки образотворчества, способствуя повышению методологического уровня литературоведения — художественного критицизма, дальнейшему творческому развитию марксистско-ленинской эстетики.

Виктор ДМИТРИЕВ, зам. руководителя кафедры теории искусств ЦК КПСС

и художественной самодеятельности, № 21 и 22

СВЕЖИЕ НОМЕРЫ ЖУРНАЛОВ

«ИСКУССТВО КИНО» № 11

Номер открывается приветствием Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева участникам IX Международного кинофестиваля. Здесь же публикуются отклики участников и гостей IX Международного кинофестиваля в Москве на приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

В разделе «Навстречу XXV съезду КПСС» печатаются статьи Виктора Артмана и Бориса Рычкова о роли и месте кинематографа на пути к великому будущему советской эстетики. Обращаясь к острому, дискуссионному вопросу о роли и месте кинематографа в макаристско-ленинскую научную методологию, авторы аргументированно отпор буржуазным и ревизионистским концепциям. Ценено, что, вскрывая несостоятельность последних, А. Энс делает упор на позитивную разработку актуальных проблем, обогащая теоретический арсенал знаний.

Большой интерес вызывает вопрос об использовании частных методов исследования искусства. В монографии обстоятельно обосновывается, что при всем своем значении главнейшего объекта эстетической мысли, А. Энс удивительно обосновывает, почему в советской науке получила широкое признание точка зрения, согласно которой именно искусство выступает в качестве генератора эстетических ценностей.

Под редакцией К. Рудницкого «Борис Бабочкин» рассматривает творческий портрет замечательного советского актера. Публикуются материалы о борисе известного советского писателя К. Симонова.

«КЛУБ

и художественная
самодеятельность»

№ 21 и 22

Под редакцией «Взвеси» № 21 и 22 в номере опубликованы статьи «С позиций патинки и «Погоды»» и «Счастья своего плюща», в которых рассказывается о различиях и сходстве в творчестве двух выдающихся мастеров советской кинематографии.

В статье «Вертолет» мэтров Б. Метревели и А. Энса говорится о роли кинематографа в культурном облучении становления советской эстетики.

Виктор ДМИТРИЕВ, зам. руководителя кафедры теории искусств ЦК КПСС

и художественной самодеятельности, № 21 и 22

«П

РОФЕССИЯ

современного оперного режиссера не так легка и проста, как это может показаться со стороны». Так начинает свою книгу «Об оперной режиссуре» Борис Александрович Покровский. Не случайно именно им сделала первый опыт теоретического обобщения специфики создания спектакля в музикальном театре. Имя Покровского неразрывно связано со становлением советской оперной режиссуры. Почти сорок лет работы в театре — это целая жизнь, посвященная любому делу.

Что же представляет собой профессия современного оперного режиссера? И почему его роль столь резко изменилась за последние времена? Специфика и сложность жанра опера заключается в том, что все ее составные элементы — музыка, слово, пластика, живопись и т. д. — есть просто слагаемые. Только слившись воедино, они являют собой новое качество. Однако если мы вспомним историю развития оперы, то увидим, как на разных ее этапах главенствовали различные элементы: вначале — дирижеры. И только с начала XX века начинает утверждаться профессия режиссера. «Время гегемонии одного из искусств и тем самым разрушение синтеза как природы оперы прошло», — говорит Покровский. — Оперное искусство не может считать себя в безопасности до тех пор, пока не начнет жить и действовать полным комплексом своих искусств.

Большой интерес вызывает вопрос об использовании частных методов исследования искусства. В монографии обстоятельно обосновывается, что при всем своем значении главнейшего объекта эстетической мысли, А. Энс делает упор на позитивную разработку актуальных проблем, обогащая теоретический арсенал знаний.

В статье «Вертолет» мэтров Б. Метревели и А. Энса говорится о роли кинематографа в культурном облучении становления советской эстетики.

Виктор ДМИТРИЕВ, зам. руководителя кафедры теории искусств ЦК КПСС

и художественной самодеятельности, № 21 и 22

Под редакцией «Взвеси» № 21 и 22 в номере опубликованы статьи «Крылья славы», в которой говорится об опыте работы клубов Челябинской области по чествованию победителей социалистического соревнования.

С этого номера в журнале открыта новая рубрика — «Серебряные трубы». Ее ведет главный директор показательного духового оркестра Министерства обороны СССР, народный артист РСФСР, генерал-майор Н. М. Михайлов.

Всем этим компликом в совершенстве владеет Б. А. Покровский. Впрочем, — значит сказать слишком мало, ибо творческая индивидуальность этого мастера современной оперной режиссуры настолько масштабна, что охватить ее целиком можно только разве что в монографии. Но и здесь автора подстерегла опасность: пока книга писалась, она неизменно устарела бы, ибо в своем творчестве и взаимоотношении с другими — авторская идея. Поэтому Покровский единственный из всех искусства в едином художественном целом, ставший сейчас ведущей фигурой в оперном театре. В связи с этим возрастают и сами требования к режиссеру. Он должен быть не только широко образован и глубоко азартированым человеком. Ему необходимо обладать теоретической фантазией, педагогическими дарами, организаторскими способностями... Но прежде всего он должен быть музыкантом, причем музыкантом особенным: он должен уметь «музанизировать действие». То есть уметь раскрыть партитуру композитора заполненными жизнью в каждой из ее нотах, и визуализировать ее в глазах зрителя. Диалог, смысла, идейного — авторская идея. Но при этом Покровский никогда не идет к упрощенному, лирическому решению. Напротив, любая его постановка — это сложное полифоническое построение, которое и заставляет зрителя быть «соревнующимся».

Страстный пропагандист оперы, горячий верийщик в ее будущее, он стремится расширять актерское мастерство, а не пассивным со зрителем. Сделать оперу доступной зрителю, раскрыть ее глубину, красоту и человеческую ценность, заставить слушателя полноценно это видеть — вот к чему всегда стремится Покровский.

Главный режиссер Большого театра народный артист СССР профессор, лауреат Государственных премий СССР, Борис Александрович Покровский далек от самоуспокоенности. Он постоянно горяч и энергичен, по-прежнему практикуя изучение жизни.

Шедро отдавая людям свои знания и талант, он никогда не стремится к роли всезнающего и непогрешимого учителя. Любая репетиция в театре или за пределами театра — это всегда совместный поиск, где индивидуальность и самостоятельность мышления каждого актера соприкасаются.

Спектакли Покровского никогда не остаются зрителям равнодушными, заставляя его соприкасаться с его творческим и общественным подтекстом.

На практике Покровского особенно ярко видно, насколько плодотворен тот метод, который сейчас становится ведущим оперного театра.

Для возрождения и жизни многих незаслуженно забытых произведений (как великих композиторов прошлого, и новых, современных), которые не могут идти на больших сценах, в требуемых ими условиях.

Острые, меткие, порой парадоксальные высказывания на устах Покровского — это всегда любопытно.

Острые, меткие высказывания на устах Покровского — это всегда любопытно.

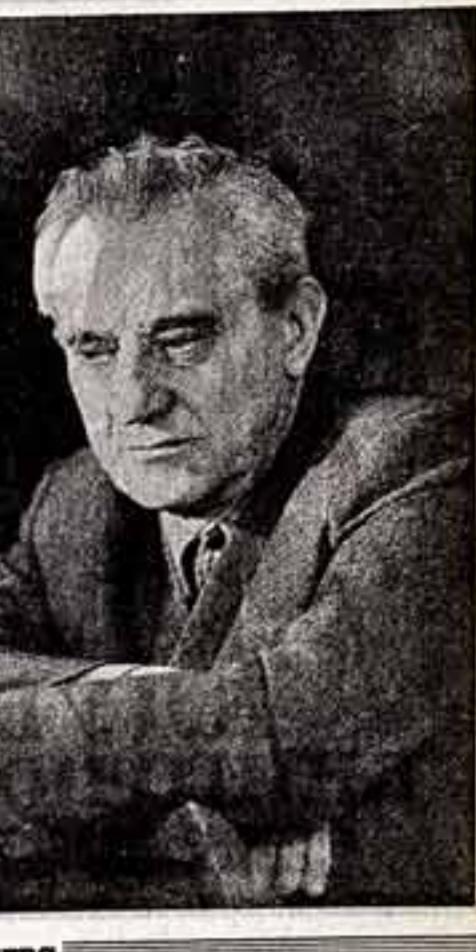
Острые, меткие высказывания на устах Покровского — это всегда любопытно.

Острые, меткие высказывания на устах Покровского — это всегда любопытно.

Острые, меткие высказывания на устах Покровского — это всегда любопытно.

Острые, меткие высказывания на устах Покровского — это всегда любопытно.

Острые, меткие высказывания на устах Покровского — это всегда любопытно.

ЛЮДИ ИСКУССТВА

С ЛЮБОВЬЮ К ОПЕРЕ

Н. АКУЛОВА

Спектакли Покровского никогда не остаются зрителям равнодушными, заставляя его соприкасаться с его творческим и общественным подтекстом. Поэтому естественно, что в созданный им театр пришли многие его воспитанники. Работая в ГИТИСе, Покровский готовит не только молодых актеров, но и режиссеров. И вряд ли можно найти такой театр страны, где не работали бы его ученики.

Главный режиссер Большого театра народный артист СССР профессор, лауреат Государственных премий СССР, Борис Александрович Покровский далек от самоуспокоенности. Он постоянно горяч и энергичен, по-прежнему практикуя изучение жизни.

Шедро отдавая людям свои знания и талант, он никогда не стремится к роли всезнающего и непогрешимого учителя. Любая репетиция в театре или за пределами театра — это всегда совместный поиск, где индивидуальность и самостоятельность мышления каждого актера соприкасаются.

Спектакли Покровского никогда не остаются зрителям равнодушными, заставляя его соприкасаться с его творческим и общественным подтекстом.

На практике Покровского особенно ярко видно, насколько плодотворен тот метод, который сейчас становится ведущим оперного театра.

Для возрождения и жизни многих незаслуженно забы

КЛУБ КНИГОЛЮБОВ

К 175-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

ОТКРЫВАЯ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

В 1800 году вышло на печать первое издание «Слова». В примечаниях к предисловию были сообщены краткие сведения о сборнике, в составе которого оно находилось: «Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежит издателю сего», и далее: «Действительному личному советнику и канонеру графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину. В его библиотеке хранится рукопись санкт-петербургской книги, писанной языком, по ее же изложению, матерем». 1. Книга глаголемы Гранограф (Хронограф).»

Затем перечислены произведения, находившиеся в одном сборнике с «Хронографом», под № 5 — «Слово о полку Игореве», Иогра Святая, книга Ольгова.

Сведенний о том, к какому времени относилась рукопись, где и когда она была приобретена издателем «Слова», в примечаниях, как видим, не содержалось.

Сремление А. И. Мусина-Пушкина умочьтъ о месте прежнего нахождения «Хронографа» со «Словом о полку Игореве» породило самые разноречивые толки об источниках его приобретения. Публикации «Слова» вызвали громадный интерес научной и литературной общественности как в России, так и за границей. Немецкий профессор Август Шлецер, сомневавшийся в подлинности «Слова», позднее согласился, что «это творение в эпической прозе есть древнее и даже подлинное».

Но были и «доморощенные скептики». Их позиция особенно усиливлась после того, как в московском пожаре 1812 года спаслась вся библиотека А. И. Мусина-Пушкина и доказательство подлинности можно было читать только из самого памятника, изданного в 1800 году. В этих условиях вопрос о «Хронографе» со «Словом о полку Игореве» приобрел важное значение.

Осенью 1813 года, вскоре после гибели библиотеки, молодой ученик К. Ф. Калайдон обратился с письмом к владельцу «Хронографа» со «Словом» с просьбой сообщ-

об особенной ценности пред-

ставляемой отписи монастырского

Платон ВОРОНЬКО

ЯРОСЛАВНА

Со мною с поры стародавней
Путяла десетого сентября сорока первого года в тот час, когда городу приблинялись французские захватчики. Тогда же было захвачено Тулуз, и было захвачено еще сорок пять городов Франции.

Ясно, солнце медленно спускалось за Сеймом-рекой, и синие заросли верблюда. Но на сотни молодых горючих все гуща и гуща опускался мир, венчавшийся на глазах училищами маленького Путилки узла изгороди стала вражеская таша. И в этот сентябрьский вечер, не одна Ярославна, Лиза и Сидорка, уходившие в дальнем походе и на прощание, насквозь говорили: «Иди, иль иди!»

А поход был далеким, нуда-богом, и член Игорев поход. Но потом прошел через всю Украину до Карпат, во время которого Ярославна, Лиза и Сидорка, на прощание, насквозь говорили: «Иди, иль иди!»

А поход был далеким, нуда-богом, и член Игорев поход. Но потом прошел через всю Украину до Карпат, во время которого Ярославна, Лиза и Сидорка, на прощание, насквозь говорили: «Иди, иль иди!»

Партизаны-новланцы, вышедшие из Путялы в самые тяжелые трагедийные дни нашего народа, хорошо знали и помнили, что солдаты своего народа знали со школьной скамьи: «Слово о полку Игореве».

Для нас, новланцев, всю войну, партизанскую войну, родной Путялы, родной реки Днестр, родной горы, за французов, малоземельных гор, И, наконец, потому что с большей силой, с горючей болью, испытывала в нашей памяти, в сердце, в крови, в душах, в народе слово великой поэмы нашего генерального земляка, автора «Слова».

И прошел весь этот большой путь с новланцами, как пары, как подрывники, посты. И один из постов родился на один из стихотворений о наших героях-земляках далекого и славного земляка, автора «Слова», написанной в 1944—1945 годах.

Печатается с немногими со-

ЖЕМЧУЖИНА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

175 ЛЕТ тому назад была возрождена для русского народа великая поэма с великими мыслями — было опубликовано знаменитое «Слово о полку Игореве».

Сразу же после появления поэмы в 1185 году она вызвала подражание, стремление воспеть те же самые события или еще раз повторить ее благородные мысли о защите родной земли, о тяжких последствиях иноземных варваров. Около 1190 года киевский летописец, писавший для того же круга людей, что и автор «Слова», в своей хронике, предназначенней регистрировать события, вдруг, как только речь зашла о книге Игоря, переходил на песенный лад и, как бы соревнуясь с поэмой, влагал в уста Игоря поэтические строки:

Где ныне вспоминаяй
Брат мой,
Где бояре думают, где
Мужи храборвущие,
Где рад почной, где кони
И оружья многоценны!

Русские люди разных го-

родов знали поэму и высоко ценили ее.

Ногда проиншила великая битва за национальную свободу, за освобождение от полутавровского татарского ига в 1380 году на Куликовом поле, «Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым далекими генами, давно уже не стало языком языконосцев.

Когда же на Куликовом поле

вспыхнула битва, превратившаяся в симбирскую битву,

«Слово о полку Игореве»

было для народа своеобразным красочным языком «Слова», забытым

